

**Дружище
ТОБИК**

Юрий Дмитриевич Дмитриев Дунай

OCR & Spelcheck TaKir

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=157031

*Дружнице Тобик: Рассказы / Рис. Г. Никольского, В. Юдина, В. Лаповок:
«Детская литература»; Москва; 1987*

Аннотация

Сборник рассказов советских писателей о собаках – верных друзьях человека. Авторы этой книги: М. Пришвин, К. Паустовский, В. Белов, Е. Верейская, Б. Емельянов, В. Дудинцев, И. Эренбург и др.

Содержание

1	4
2	11
3	14
4	16
5	20

Юрий Дмитриев

Дунай

1

Николай был ещё далеко, а Дунай уже подбежал к сетке и повернул голову в ту сторону, откуда доносился запах самого дорогого для него человека.

Постояв секунду неподвижно, пёс тихонечко взвизгнул от нетерпения и заскреб когтями по земле. Все движения его были чёткими, и только когда, побегав по вольере, Дунай наткнулся на миску с едой, стало понятно, что пёс слеп.

Человек вошёл в вольеру и остановился у двери. Оба – и человек и собака – были очень рады встрече, и им хотелось броситься друг к другу, но оба сдержались. Николай только ласково погладил большую лобастую голову собаки, а она ткнулась носом в его колени. Потом Николай сел на маленький чурбачок, а Дунай улёгся рядом и притих.

Вот уже несколько дней жил Дунай здесь, на окраине города, скучая и с нетерпением ожидая той минуты, когда ветерок донесёт запах хозяина. И когда, наконец, Николай входил в вольеру, садился на чурбачок, а Дунай ложился рядом, наступали самые счастливые минуты в жизни собаки. Они молчали, но молчание это было особым: им не нужно было

слов, чтоб понять друг друга.

«Ну как, старина?» – спрашивал Николай.

«Ничего, спасибо, – отвечал Дунай, – только скучно очень».

«Потерпи, съешь-ка пока вот это», – Николай протягивал конфету.

«Спасибо. – Дунай осторожно брал лакомство из рук хозяина. – Только скоро ли ты возьмёшь меня отсюда?»

«Потерпи, потерпи...»

Потом они вспоминали. Да, им было что вспомнить. Четыре года – не шутка!

Иногда Николай вспоминал первые месяцы работы с Дунаем. Маленький, неуклюжий, лопоухий щенок беспомощно тыкался носом в пустую миску и жалобно повизгивал. Николаю очень хотелось взять его на руки, – но нельзя! Из крошечного неуклюжего щенка должен вырасти сильный, смелый, закалённый пёс.

На экзаменах Дунай получил высший балл, а начав работать в уголовном розыске, почти сразу же помог задержать крупных грабителей. В серой картонной папке с надписью «Дунай» появилась первая справка. Потом таких справок набралось множество – бухгалтеры аккуратно подсчитывали суммы, возвращённые Дунаем государству или отдельным лицам. Но Дуная это, конечно, не интересовало. Даже конфеты радовали меньше, чем четыре слова, спокойно сказанные хозяином: «Молодец, Дунай, хорошо. Спасибо!»

Правда, были у Дуная и срывы. За четыре года их было четыре. И каждый раз в одно и то же время: когда Николай уходил в отпуск. На этот месяц Дунаю давали другого проводника. Пёс был знаком с ним, даже симпатизировал ему, однако работать с ним не мог. А может быть, просто не хотел.

Но возвращался Николай, и всё становилось на свои места. Снова они патрулировали улицы, выезжали на задания и часто в телефонной трубке звучал голос самого главного: «Пришлите лейтенанта Алёхина с Дунаем».

Так проходили дни, недели, месяцы. И Дунай привык к мысли, что так будет всегда – ведь в этом году Николай даже в отпуск не пошёл. И вдруг случилось несчастье. Об этом последнем дне их совместной работы ни человек, ни собака не любили вспоминать.

Этот день начался как обычно. Как всегда, Дунай спокойно вскочил в машину, как всегда, уверенно взял след и, как всегда, смело бросился на преступника, не обращая внимания на выстрелы. Дунай успел повалить бандита, придавить его к земле и вонзить в плечо клыки. Что было потом, Дунай не помнил. Зато Николай помнил всё, до мельчайших подробностей.

Сначала он дежурил у операционной. Потом сидел около неподвижного, забинтованного Дуная, прислушиваясь к хриплому, напряжённому дыханию. Надежды было мало.

Просиживая часами около собаки, Николай думал только об одном: пусть выживет. И Дунай выжил. Но когда пёс

после болезни впервые вышел во двор, у Николая сжалось сердце. Огромный, сильный, красивый пёс был жалок и беспомощен. Он растерянно вертел головой, осторожно, неуверенно ставил лапы, вздрагивал от каждого громкого звука. Когда он наконец добрался до Николая и прижался к его ногам, лейтенант почувствовал, что отважный Дунай дрожит.

Потом потянулись длинные, грустные дни. Николай наконец взял отпуск и с утра до позднего вечера возился с Дунаем. А придя домой, раскрывал взятые в библиотеке, собранные у товарищей и сослуживцев книги по ветеринарии и собаководству. Читал до рассвета, хотя понимал, что ветврач питомника прав – у Дуная повреждён зрительный нерв, и ему не суждено больше видеть. И всё-таки Николай надеялся. Он написал в Москву известным профессорам и упростил начальника питомника подождать с выбраковкой Дуная. Из уважения к Николаю, а может быть, к прошлым заслугам Дуная начальник согласился, но предупредил, что не может долго держать слепую собаку на государственном довольствии.

Через несколько дней Дуная перевели из основного питомника в загородный, а у Николая кончился отпуск. Теперь они виделись меньше: загородный питомник был далеко, и лишь перед работой Николай успевал ненадолго заглянуть к своему другу. Наконец пришёл долгожданный ответ из Москвы. Но он отнял у Николая последнюю надежду: профессора подтверждали, что вернуть зрение собаке невоз-

можно. Николай сам пришёл к начальнику питомника и молча положил на стол письмо. Но начальник не стал его читать – по лицу Николая он всё понял. Вдруг Николай почувствовал, что где-то в глубине души начальник тоже верил, тоже надеялся и теперь ему так же трудно отдать роковое распоряжение, как Николаю подумать о нём. Но оба они, и подполковник и лейтенант, понимали, что это неизбежно.

...Николай сидел на низеньком чурбачке, как уже сидел тут не раз, а Дунай лежал у его ног. Всё было как и раньше – и те же молчаливые слова и те же воспоминания. И всё-таки было что-то новое. Собака чувствовала, как расстроен хозяин, видела, как дрожат у него руки.

Если бы Дунай умел говорить, то, наверное, сказал бы хозяину: «Ты не грусти. Скоро мы будем вместе. Я уже давно придумал. Потерпи немного!»

Но Дунай не умел говорить и только поднял вверх умную морду с мёртвыми неподвижными глазами. А хозяин вдруг встал, положил перед Дунаем целый кулёк конфет, потом наклонился, крепко прижал голову собаки к своему лицу и быстро вышел из вольера.

2

Здесь, в загородном питомнике, Дунай жил в вольере, огороженной с трёх сторон досками и с одной – сеткой. Тут стояла будка с железной крышей, хотя над самой вольерой тоже имелась крыша, пол был устлан досками, а в задней стене находилась дверь. Два раза в день в эту дверь входил человек с миской и ставил её перед Дунаем. Однажды – это было, кажется, в первый день – человек подвинул миску к самой морде собаки. Он, наверно, думал, что слепой пёс не ест, потому что не видит миски. Но Дунай прекрасно знал, где миска – ведь от неё шёл такой приятный запах! Нет, ему просто не хотелось есть.

Дунай не притрагивался к пище два дня. Потом пришёл хозяин и приказал есть. Дунай покорно вылизал миску и поднял голову, ожидая новых приказаний. Но хозяин только погладил его по голове и сел на чурбачок, а пёс лёг рядом. Через час хозяин ушёл. Дунай заметался по вольере, жадно вдыхая становящийся всё слабее запах хозяина, затем опять подошёл к чурбачку и лёг рядом, прижав к нему свою умную морду.

Однажды Дунай обследовал вольеру – тщательно обнюхивал каждый сантиметр пола, стен, сетки. Проходя мимо двери, Дунай случайно толкнул её. Дверь открылась. Пёс привык к тому, что дверь в вольеру всегда заперта, и входил и

выходил он через эту дверь всегда с хозяином. Так было в том питомнике, а здесь... Дунай осторожно переступил порог. В нос ударило сразу множество запахов, и, чтобы разобраться в них, пришлось остановиться. Разобравшись, пёс уже смело двинулся вперёд. Он ещё не знал, что находится во дворике, в который выходят двери нескольких вольер. Раньше, когда питомник был полностью заселён, в этот дворик выводили по очереди собак на прогулку. Теперь же весь дворик на целый день был предоставлен в распоряжение Дуная.

В дворике росла трава. Особенно густо разрослась она в углу двора. Там и начал Дунай делать подкоп.

Поначалу всё шло хорошо: земля оказалась мягкой и работа продвигалась быстро. Но когда Дунай проделал уже половину работы – рытьё пришлось прекратить: ночью прошёл сильный ливень и яма наполнилась водой. А когда снова можно было рыть, Дунай удвоил усилия, будто старался наверстать упущенное время.

Дунай, конечно, не задумывался, как он найдёт своего хозяина. Ему казалось, что стоит вырваться отсюда и они снова будут вместе. Иначе он не представлял себе. Весь мир был наполнен лишь одним человеком, и от него отделяли Дуная сетка и доски. Стоит преодолеть эти препятствия – и всё!

Работал Дунай только ночами, приближение которых чувствовал так же хорошо, как если бы мог видеть. Но сейчас, когда хозяин всё дальше и дальше уходил от вольеры, Дунай изменил своему правилу. Тихонько повизгивая, он бросился

во дворик, нырнул в яму и яростно заработал лапами.

3

Тридцать – сорок метров от вольеры Дуная до выхода из питомника Николай почти пробежал. Он боялся, что не выдержит и вернётся к собаке, которая – Николай это знал – стоит сейчас у сетки и, вытянув шею, напряжённо ждёт... Николаю казалось, что Дунай был сегодня особенно грустным. И в повороте головы собаки, и в движении хвоста, и в походке – во всём поведении Дуная чудился Николаю упрёк.

Дойдя до угла улицы, Николай всё-таки остановился и оглянулся. Отсюда был виден только длинный дощатый забор, огораживающий питомник. За этим забором – Николай хорошо помнил – находился дворик, где выгуливали собак. Там, за этим забором, – Дунай... Неудержимо захотелось вернуться и хоть на секунду заглянуть в щель забора. Но вместо этого Николай далеко отшвырнул изжёванный окурок и зашагал в город. Он твёрдо решил взять Дуная к себе домой. Это, конечно, нарушение правил. Но бывают же и исключения из правил... И Николай уговорит начальника. Ведь отдали же в прошлом году выбракованного Боя юным натуралистам.

Звякнул подошедший трамвай. Несколько человек вышли из вагонов и не торопясь разошлись в разные стороны. Один из приехавших привлёк внимание Николая. Николай никогда не видел этого человека, но многие работники милиции

хорошо знали по фотографиям главаря недавно ликвидированной банды. Ему одному удалось скрыться.

И вот сейчас он, этот бандит, которого разыскивают во многих городах, спокойно вышел из трамвая и направился в переулок.

Николай огляделся. Люди, приехавшие в этом трамвае, разошлись, а пришедшие на остановку уже вошли в вагоны. Не видно было и постового милиционера. А преступник ушёл. Ещё несколько шагов, и он свернёт за угол. Раздумывать было некогда.

4

Дунай работал яростно. Раньше он позволял себе делать перерывы и отдыхать. Теперь копал без остановки, изредка тихонечко повизгивая от нетерпения.

Земля стала твёрже, чаще попадались большие камни. Но Дунай не обращал на них внимания, так же, как не обращал внимания на песчинки, забивавшиеся в рот и ноздри. С каждой минутой им всё сильнее овладевало какое-то смутное беспокойство.

Начав подкоп, Дунай понимал, что нарушает дисциплину. В другое время он этого не сделал бы. Но теперь всё было иначе. А сегодня, особенно в эти минуты, он вдруг почувствовал, что быть около хозяина именно сейчас ему просто необходимо: у Дуная появилось ощущение, сходное с тем, которое он испытывал в работе, – чувство долга.

В тот момент, когда преступник пересек линию железной дороги и вошёл в грязную, с покосившимися заборами и ветхими домиками улицу – последнюю улицу, оставшуюся от старого города, Дунай окончил работу. Сначала земля стала рыхлой, потом на голову посыпались комья, и наконец хлынул свежий воздух. Последнюю часть лаза Дунай расширять не стал. Просунув голову в открывшееся отверстие, он протиснул плечи и вылез наружу.

Несколько секунд Дунай стоял неподвижно у забора, при-

слушиваясь к множеству звуков, разбираясь в запахах. По этим запахам Дунай мог бы восстановить жизнь улицы – со своей собачьей точки зрения, конечно, – не только сегодняшнего дня, но определить, чем и как она жила вчера. Однако сейчас Дунаю было не до этого. Непонятное волнение нарастало с каждой минутой. Может быть, волновался он от того, что наконец вырвался на волю, может быть, от того, что скоро встретится с хозяином, может быть, еще от чего-то. Постояв немного, он низко опустил голову и побежал вдоль забора. Уже через несколько шагов Дунай понял, что взял правильное направление: он наткнулся на маленький предмет, от которого шёл запах хозяина, смешанный с другим, острым, неприятным, но очень знакомым запахом.

Внимательно обнюхав окурок, Дунай через секунду нашёл и след хозяина. Теперь всё было в порядке.

Опустив голову к самой земле, чуть ли не касаясь её носом, Дунай шёл по следу крупной лёгкой рысью.

Солнце уже нагрело землю, и от неё исходило множество запахов. Пахло бензином и кошками. А вот тут пробежала какая-то собачонка.

Дунай любил работать летом и в тёплую погоду. Тогда очень ясно слышны все запахи и можно всё понять, всё сделать для того, чтобы хозяин сказал: «Молодец, Дунай, хорошо. Спасибо!»

Дунай старался и зимой. Но зимой, особенно в сильный мороз, запахи пропадают почти совсем или становятся ед-

ва уловимы! К тому же стынут лапы, а между пальцев появляются противные льдинки, из-за которых больно ступать, а выгрызть их не всегда успеваешь.

То ли дело летом!

...В нос ударил сильный запах резины. Неприятный запах! Дунай очень не любил его. Этот запах может сбить даже опытную собаку. Но не Дуная, особенно когда он идёт по следу хозяина.

Впереди что-то сильно звякнуло, однако Дунай не обратил на это внимания. Сейчас всё его существо сосредоточилось на одном – не потерять след. Несмотря на то, что хозяин проходил здесь совсем недавно, множество следов появилось уже после него. К тому же люди имеют неприятную привычку мазать ботинки и туфли чем-то очень пахучим.

Вдруг след исчез! Дунай бросился в одну сторону, в другую; натываясь на испуганно шарахающихся людей, он метался по площади, всё больше и больше приходя в ужас. След появился так же неожиданно, как и исчез. И по тому, что ветер стал задуть с противоположной стороны, Дунай понял, что хозяин круто изменил маршрут. Но не это удивило Дуная. В том же направлении, куда вели следы хозяина, шли другие, заинтересовавшие пса. Некоторое время, идя по следу хозяина и второму, чужому, Дунай мучительно вспоминал, кому же принадлежит этот знакомый и в то же время чужой запах. А когда наконец вспомнил, шерсть на загривке встала дыбом, а из горла вырвалось глухое злобное рычание.

Дунай вспомнил. Это было незадолго до того, как кто-то отнял у него свет. Дунай жил в новом питомнике, видел всё вокруг и часто выезжал с хозяином на работу. Однажды ему приказали взять след, и он, как всегда, быстро и чётко выполнил приказ. Но пройдя немного, он потерял след. И сколько ни пытался найти снова – возвращался назад, кружил на месте, делал «скидки» в стороны – следа не было. Дунаю было стыдно – но это ещё полбеды. Труднее было перенести огорчение хозяина. Может быть, поэтому Дунай так хорошо запомнил тот запах, может быть, поэтому так разозлился, вновь почувствовав его. Во всяком случае, он уже не мог думать ни о чём, кроме того, что должен исправить свою ошибку, совершённую несколько месяцев назад.

Николай не сразу понял – заметил ли его преступник или просто случайно пошёл быстрее. Но скоро сообразил: заметил. Преступник всё ускорял и ускорял шаг. А улица, как назло, была пустынна. Самому брать преступника очень рискованно. И упустить нельзя ни в коем случае.

Николай ускорил шаг.

Бандит оглянулся и побежал. Он бежал легко, ловко перепрыгивая через рытвины и канавы. Но Николай не отставал. В конце улицы, посреди двора с настежь открытыми, перекосившимися воротами, стоял старый ветхий домик. Рядом, в нескольких метрах, – дощатый сарай. К этому домику и направился бандит. У ворот он на секунду остановился, оглянулся на Николая и бросился к сараю. Ещё издали в открытую дверь Николай увидел окно в противоположной стене сарая и сразу понял замысел преступника: проскочить сарай, оттуда через окно – на огород, а с огорода – в рощу, которая была совсем рядом. Правда, тут же мелькнула мысль: не ловушка ли? – но раздумывать было некогда. У самого сарая Николай замедлил бег и почти шагом вошёл в дверь. Что-то зашелестело, и, инстинктивно отклонившись, Николай почувствовал, как обожгло руку. В рукаве сразу стало мокро. Бандит снова ударил ножом, но на этот раз Николай успел правой рукой перехватить руку бандита и крепко стиснуть

её. В ту же секунду Николай получил сильный удар в раненое плечо и, почти потеряв сознание от боли, выпустил руку бандита. И снова в пыльном солнечном лучике сверкнул нож. Николай опять уклонился и изо всей силы ударил бандита головой в подбородок. Глухо звякнул выпавший нож, и, стукнувшись о стену, преступник медленно сполз на пол. Преодолевая головокружение, Николай поднял нож и шагнул к бандиту.

Выстрела Николай не услышал. Яркая вспышка лишь на мгновение ослепила его, и, почувствовав сильную боль в боку, он начал терять сознание. Как сквозь толстую стену, он слышал ещё несколько выстрелов, и, сделав над собой огромное усилие, открыл глаза.

Сначала он решил, что бредит. Но это не походило на бред. Значит, он долго лежал без сознания. В сарае было много людей в милицейской форме. Над Николаем кто-то наклонился, что-то говорил ему. Слова доносились будто издалека, и Николай никак не мог понять их смысла. Может быть, сильная боль в руке и боку мешает понять, что ему говорят? Он с трудом повернул голову и увидел... Дуная. Распластавшись на полу, Дунай тяжело, с хрипом, дышал, медленно двигая передними лапами по скользким от крови доскам пола.

Вокруг разговаривали люди. Они говорили, что собака пришла вовремя, что она получила пять пуль и всё-таки не выпустила преступника, что если бы не она...

...Николаю показалось, что он крикнул громко, оглушительно, но с губ слетел только слабый шёпот. Однако Дунай услышал – уши его чуть дрогнули. Пёс с трудом повернул голову и опять слабо пошевелил ушами. И Николай понял, что хотел сказать ему Дунай. Конечно же, пёс хотел ободрить хозяина, утешить, сказать, что теперь всё в порядке, теперь они вместе.

«Ты ведь меня не отправишь назад? Правда?»

«Конечно!» – хотел крикнуть Николай, но не успел. Крупная дрожь пробежала по телу Дуная, он вытянулся, последний раз шевельнул большой сильной лапой и затих.

Навсегда.